

Ярослав Таран

ПРОЦЕСС

-складень-

1.

И знать и петь вновь хочется! Так много случайных снов, но есть одна дорога...

Когда тебя найдёт твоё родное слово,
как ни петляй потом – души не изменить.
Хоть чашу разбивай, хоть вешайся, но снова
я возвращаюсь – *жить*.

Прочти мой путь: пока идём мы вместе
тебе не будет скучно целый месяц.

2.

И в яме долговой увидишь солнце, если
ты в слове: как дорогу – я время проложил:
устаи – к устью, совестью – к истоку.
Я сам – процесс. И нахожусь – в Процессе.
Ты с каждой встречей – *жил!*

Ты умирал в пустыне безвоздушной
не раз, не два: как брошенные души –
одни на берегу всемирного потока,
вдруг умолкали дни на годы в складках смерти...
Но качество творилось за порогом.

3.

И сладко просыпаться вместе!
На лунном лоне правды многоокой
премудрых сказок прозревая вести,
найди меня – я нахожусь в Процессе.

Текут потоком слёзы и звёздные лучи...
Ведут беседу скрипки, яблони и львы...
Ты должен здесь испытать времён горючей смеси,
чтоб духов различать. Но нас не разлучить!

В дыханье ветра, в шелесте листвы –
ветвями веры, клубнем головы –
ищи меня – найдёшься ты.

4.

Чтоб знать и помнить – надо говорить
о снах и книгах: судьбы их листая,
ты в сумерках себя за нить строки лови!

Так существительное – *жить*
глаголом жжёт нас, прорастая
в мир *полнотой свободы по любви*.

окт.-ноябрь 2008

ВРЕМЯ

Круг вращает гончар, частник-стоик,
лекарь-пекарь правдивый в глубинке –
лепит, лечит и мнёт нас, как совесть;
и нелепо вздохнёт, успокоясь,
там, за печкой, в углу. Под сурдинку
пляшет пламя, труд зреет... Историк
черепичный кров памяти строит.

февр.2005

Читая старые стихи...

Тикая тихо в прихожей...
времени мышцы дотошные!
будто скребутся по коже...

Снег налетел вдруг, взъерошенный!
как сумасшедший, встревоженный
ночи безмолвием, брошенный
в городе окон...

Тени небывшего прошлого
так одиноки – и строже
нет их суда, и бездонней
нет ледяных тех бессонниц.

ноябрь 2006

Птицеслов

1

Снова в клетке грудной
бьётся птица, одной
глубиной и улыбкой жива –
синевую осеннего неба...

Рубят лес. И душа напотребу.
Как солдаты, уходят слова –
и лежат под плитой:
не поднять, не понять...
Но люблю по кладбищу гулять...

Или в клетке грудной
птице лучше одной:
легче будет себя вспоминать?

2

Слово за слово, вечно одной... –
в этой клетке грудной всё равно
разучилась летать!

Но порою начнёт бормотать...
Точно жизнь начинаешь с нуля...
Каждый звук – точно в лузу бильярда!..
И... люблю по кладбищу гулять:

словно времени белые пятна
на зелёном волнистом сукне,
фотографии живших блестят:
цифры, надписи, лица...

Улыбается память во сне.
Улыбается миру дитя,
не умея сказать... Бейся, птица:
ты в клетке опять!

ноябрь 2006

Оборотень

Как стая псов – слова. Скулят.
Сорвались – и погнали душу!
Всё дальше, глубже – в лес и стужу.
Усталости кусаю кляп.
Петляют звёзды. Ночь одна!
Вздымает страх мне память дыбом!
И глыбой давит глубина.
Глокает тёмный воздух рыба
и мечется в крови по жилам,
и сна и смысла лишена.
Бурлит погоня! Мирным жиром
всплывает вечная луна.
Как лживой жизни речь красна!
Азартен лай!.. Уходит зверь
от братьев лютых... Даль сурова.
Весёлый лес! ты друг, ты верь
в моё прижизненное слово.

сент.2006

Гамлет

...Что, шут? Оступишься – и тут же
вокруг осатанеет мир,
и вьюга жалобно закружит:
воронка неба – ближе, уже!..

Во вздутых жилах – слов удушье:
уже не ближний, а вампир,
но роль свою – всё ту же, ту же!–
исполнит каждый до конца.

Здесь, в луже лжи, как в царской ложе,
встречать небесного гонца!
Сижу и жду, и дрожь по коже...
Вдруг маска упадёт с лица?

Машина времени опять
заставит нас переиграть
всё то же, всё одно и то же...

Вольно́ на сцене умирать!
Но станет слово чище, строже...
И Гамлета услышит мать.

15 февр.2008

Самому себе

Когда ты функция прихода и расхода
для тех, кто знал тебя как человека
и в ком ты сам однажды встретил бога
растущего,— твержу,
как заклинаю собственную тьму:

Не забывать о том прозрении и верить!—
безумная задача,
важней которой нет на свете.

Видеть против шерсти,
идти на риск и доверять своим
несчастливым братьям: каждый
в себе не раз божественный огонь
затапывал, гипнозу
и колдовству поддавшись смертных формул.

Верить вопреки!—
в немислимую тайну,
неугасимое безудержное счастье,
в любом предателе сокрытое, как солнце
в ночи полярной.

Пройти над пропастью сегодняшнего дня,
как просит и боится сердце,
как смел смотреть в глаза веков Волошин,
как верил в человека Крест,
когда вбивали гвозди
в последнюю надежду Мира.

Иначе: жить не стоит — Пушкин лжёт
и лицемерит Чехов,
а дьявол — мудрый Воланд,
Христос — Иешуа-мечтатель.

сент.2006

***

Мне пишется легко,
когда после дождя земля парит сырая:
туманов молоко,
губами припадая к твоим сосцам, родная,
я пью как речи дар. Семья у нас большая!—
и старшие играют, беседуют со мной:
и тех созвездий пульс, созвучий чистых соль,

весёлых сказок грусть, струящаяся ввысь,
лесного строя ритм и тайной яви смысл,—
питают мою кровь. И тесно звёздам в спальне!
Я тоже подрасту! Пусть волка я боюсь...
Но звёзды на посту! Строка ведёт как память.
Туманов молоком я допьяна напьюсь —
не станет страшно жить, небесных рыб ловить!
В растерзанных просторах несбывшейся любви —
в затворах, ямах, норах моей земли —
связать её времён разорванную нить
и цепь немых подмен влачить как пёс в ночи...
Но омут неба полн — и звёзды говорить
научат нас... Молчи!

окт.2006

Голос из зеркала *-строфы-*

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Пушкин

Я проклят зеркалом: любой
в твоей воде своё лишь ловит слово,
но видит то, что хочет,— так сурова,
родная речь, твоя любовь,
что грезится: от ревности немой
я белым стану, очищая ложью
земную пламенную соль!..

Но только трепетной иглой
коснёшься сердца осторожно —
как жизни глиняные ножки
бегут по кочкам за тобой,
поэзия; и шапка-то горит!—
сжимает безнадежность
в руке картонный меч —
и злему зеркалу грозит!..

Не образ — абразив
сыпучих дат и встреч
строки оттачивает опыт.

Губ розовых тяжёлый ропот,
в костре души тоска сквозная
помогут грешнику в ночи
бедовые орешки щёлкать,
хоть как, хоть задыхаясь, шамкать,—
всё пережить, пережигая

в простые кирпичи
воздушных замков
глухую глину бытия...

Осколки времени блестят –
на двух веков смотрю закат:
последний луч свободы тает –
последний внук тебя читает,
посланник огненного рая...

Но что я знаю здесь?!–
какую миру весть
несёшь ты, умирая?

дек.2006

Письмо другу

Как мы постыдно здесь разделены!
Есть платье, плоть... и не узнать друг друга!
И сколько б слов ни пролили, стены
не превозмочь: там огненная вьюга!
Сильнее страх. За дверью воет зверь.
Не расплести, не разодрать доверьем
простую тюль души! Не лучше ль –
стихи, стихи... Найдётся слушатель...
И волны – эхом в окна – клином клин...
Глотая воздух, мир не опрокинь!
Безмерна смерть. Не эта полужизнь.
Но человеком, если хочешь знать,
быть тоже больно. Воет зверь! Дождись:
уснёт и он. Всё сбудется опять!

(Поговори со мною по пути,
чтоб выдержать полвека взаперти.)

...И с книжных полок смотрят на меня –
с кем подлинная встреча впереди,
чьи речи – языками пламени...
небесных рек ликуют хороводы...
и солнца вольного закаты и восходы,
как отблески грядущего.....
.....

ноябрь 2006

* * *

Разлука больше знает о любви,
чем огненная страсть. Но горе
сжигает мякоть жизни. И твои
пронзительны прозрачные просторы,
пожар осенний... Сердце дома:
небес его бездонная истома –
воспоминания бессмертная поэма,
все двести лет читаемая мной:
из края в край наполненное время
прощения премудрой синевой.
И меркнет свет так тихо, как живой...

окт.2006

***

Души открытой жизнь двойная:

как некий Штирлиц тайно пьёт,
родную речь припоминая;
на дне моём она живёт,
моя свобода;
но блистает
на солнце стихотворный лёд,
и в сердце время застывает
и, как маньяк, чего-то ждёт.

21 дек.2005

***

И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы.

Мандельштам

В диком мире расчисленных линий
крайний угол нашёлся для зренья:
вечный сор, словно небо излишний,
заметает в него гончар-время.

Эта красная глина чревата
то стихами, то войнами. Только
синий строй наш стихает: солдаты
растворяются солнечной солью
в чёрной памяти звёздного моря,
как в крови неродившихся песен.
Ночь глазами кошачьими смотрит,

паутину бессонниц развесив,
всё считает – кому чего стоит...
Крайний угол не тело – не тесен!

Эта красная глина как тесто,
заметает нас времени веник:
есть углы, где дышать интересно,
где нет страха, ни зрелищ, ни денег.
Мы такого там неба намесим!–
и за словом в карман не полезем:
в глубине голубиной для смеха
в планах века таится прореха,
где живое живым не помеха.

февр.2005

Художник

Суровой правдой полон океан,
как очи – тайной своего рожденья.
Скрипят веков смолистые ступени –
идёт по трапу твёрдо капитан.
И «плыть, не плыть» вопроса нет, когда
мерцают звёзды и смеются дети,
и на щеках солёная вода –
и слышит сердце пульс тысячелетий
и совести простые указанья.
И лечит душу полнота незнания.

дек.2006

Встреча

Трудов твоих не принимает время –
упорно одиночество, как вол.
Но с каждым вздохом тяжелея,
ты слышишь, дальний рокот волн,
как набухает эхом он?
Себя перерастает семя.
И давит грудь накопленное счастье.

Доверие свершится днём обычным –
каким-то чудом, в одночасье:
взойдут стихи, вошедшие в привычку...
Мы сохраним и в гробовом молчанье
о встрече нашей луч воспоминанья.

янв. 2007